

В ТЕАТРАЛЬНОЙ программке спектакля «Голубая рапсодия» сказано: «Веселое и серьезное, грустно-лирическое и откровенно-смешное, узнаваемо-живое и условно-театральное близко соседствуют в новой комедии Н. Погодина». И еще добавлено, что комедия «внушает плодотворные моральные размышления».

Это хорошо. Если, конечно, действительно «внушает»... Об этом стоит поговорить.

В «Голубой рапсодии» мы встречаем старых наших знакомых из другой погодинской комедии — «Маленькая студентка». Впрочем, знакомы мы с ними или не знакомы, существенно значения не имеет. Теперь у них другие заботы, другие привычки, другие огорчения...

Пожалуй, огорчений у них больше всего. Эпиграфом к пьесе можно было бы поставить слова Льва Толстого: «Каждая несчастная семья несчастна по-своему». В «Голубой рапсодии» все семьи несчастливы, и все несчастливы по-своему, и распад семей идет с неумолимостью цепной реакции, которую никто не в силах остановить.

Единственная «крепкая» семья — это семья узколобого деляги от науки Укропова и его супруги, глупой и жадной мещанки Фисы. Но, как говорится, избави нас, боже, от таких семей...

А остальные... Саня Веткина рассталась с Женей Салазкиным. Почему? Саня объясняет: «Люди для него — агрегаты с различными системами. Влюбиться — значит подключиться... Человек, лишенный эмоций и эстетики. Просто эгоист и страшно темный человек во всем, что не касается его специальности...»

А ЗРИТЕЛЬ ЗНАЕТ БОЛЬШЕ...

По поводу спектакля «Голубая рапсодия» в Театре имени Ленинского комсомола

Саня слегка бравировать своей решимостью и самостоятельностью: вот взяла — и разошлась... Да, у нее интересная работа. И все же ей плохо: нет света в окне и пусто в комнате. Грустно, печально этой молодой, милой женщине (ее играет актриса Е. Магвеева).

Но не спешите ее жалеть. Просто она не умеет ценить людей.

Даже в пьесе Женя Салазкин не похож на «эгоиста и темного человека». А в спектакле тем более: на сцене — симпатичный, мыслящий парень, с привлекательным, острым, ироническим складом ума. Г. Селянин играет Женю мягко, наделяя его сердечным теплом и искрящимся юмором. Правда, то тут, то там о Жене говорится, что он неудачник: что из него мог бы получиться второй академик Курчатов, но он ничуть не дорожит служебным положением; что он совершенный донкихот и вот так, бескорыстно, помогает Укропову «домосолить» диссертацию, а сам остается в дураках; что он не брезгает и даже не моется.

Конечно, ходить грязным — это предосудительно. Но что касается всего остального, то с каких это пор бескорыстие, внутренняя интеллигентность и душевная честность стали потешным донкихотством? И потом — как это вяжется: робот и донкихот? А ведь Саня судит Женю и осуждает его, и делает это с благословения драматурга и театра.

Если уж нас «впустили» в чужую семейную жизнь, значит, это сделали с какой-то целью. С какой же? Можно часами думать о любви Джульет-

ты, о гибели Катерины из «Грозы», об отчаянии и решимости Любови Яровой. За этими судьбами стоят жизнь, время, эпоха... А что стоит за встречей и разлукой Сани и Женя? Молодой зритель вправе спросить об этом. Но его вопрос повиснет в воздухе.

Вероятно, драматург хотел предостеречь своих молодых героев. Вы идете в коммунизм. Вы научились думать и работать. Вы умеете мечтать. Но, если вы возьмете с собой в будущее груз тягостных ошибок в семейных отношениях прошлого, вам будет плохо...

И Саня рвет семейные путы. Разумеется, она может делать все, что хочет, даже если ее поступки — просто блажь. Однако почему нас пригласили умиляться этим?

Семья Салазкиных распалась еще до начала спектакля. Гибель другой семьи — Каплиных — составляет, в сущности, главное содержание «Голубой рапсодии». Здесь как будто уже все мотивировано.

Зина оставляет Ивана. Оставляет потому, что он ничем не помогал ей, даже когда родился ребенок, ни о чем не хотел думать, кроме своей науки. Зина жалуется, что он превратил ее в прислугу, в рабу, в принадлежность и тем самым убил любовь. Кажется, все ясно,

ясно, да не совсем. Ведь мысль о том, чтобы расстаться с Иваном, появилась у Зины еще до рождения ребенка. Выясняется, что муж ее «подавлял», и, кроме того, она прочла «Триумфальную арку» Ремарка, и ей захотелось любви, «звонящей, как музыка»...

Кстати, выясняется, что Иван совсем не деспот. Напротив, это мягкий, рассеянный, неловкий человек, который любит Зину. Но о своей работе он действительно думает больше, чем о жене. И опять возникают недоуменные вопросы: с каких это пор одержимость в науке (в работе, в творчестве и т. д.) стала качеством, враждебным «голубой рапсодии» семейной жизни? Стоит ли так безоговорочно оправдывать Зину? Эти вопросы висают в воздухе. История семьи Каплиных так ничего и не проясняет: в чем же суть новой морали, новых семейных отношений?

Есть в пьесе еще одна пара, которая тоже, по всей видимости, идет к разводу, но делает это лихо и к удовольствию всего зрительного зала. К удовольствию потому, что «семейное счастье» Томаза Чебукиани и Вавы Маландиной — это действительно смешно, это в самом деле комедия, весело разыгранная Г. Демидовой и В. Татосовым. Вот у них все понятно. Жизнь поднесла им все блага на блюдецке с голубой каемочкой. Лег-

кий хлеб породил скуку... Но что бывает дальше, это знает каждый, посмотревший на своем веку хотя бы пару водевилей.

Могут сказать: разве нет у нас несчастных судеб, неудачных семей, личных трагедий? Разве не расходятся даже хорошие люди, порой без всякой причины?

Нет, без причины не расходятся, и не нужно обладать слишком большой смелостью, чтобы защищать это утверждение.

А в «Голубой рапсодии» все расходятся, в сущности, без причины, ибо причины, которые выдвинуты драматургом и театром, не выдерживают критики. А в жизни еще немало причин для крушения молодой семьи. И молодежи очень нужна пьеса, которая действительно внушала бы плодотворные моральные размышления, но «Голубая рапсодия» — не такая пьеса.

Зачем же все-таки она написана? Может быть, это реакция на те самые произведения, где все были счастливы и где даже ненавидевшим друг друга супругам общее собрание запрещало расходиться? Если это реакция, она запоздалая, беспомощная.

Тогда, быть может, «Голубая рапсодия» — это «удар с тыла» по физикам, кичащимся своим преобладанием над лириками. «Вот вы кичитесь, а без лирики нельзя... Видите, вас даже жены бросили...» Однако трудно допустить такое предположение. Да к тому же в пьесе они какие-то удивительно старомодные душевно, эти молодые физики, претендующие на архисовременность,

содия»...

Пожалуй, на этом можно было бы и кончить разговор. Но следует сказать еще несколько слов о спектакле. Право, пьеса не стала современнее от того, что режиссер А. Белинский поставил на службу путанице отношений людей, которые сами не знают, чего они хотят, всю современную технику сцены, механику шнрм, быстрые ритмы, динамичные мизансцены.

Правда, театр пошел на разумные купюры. Убраны наиболее очевидные пошлости. Но все же пошлость не будет в обиде на театр. Режиссер по собственной инициативе ввел такую эстрадную сцену «охмурения» Вавой кинорежиссера, что одна эта сцена искупает все купюры, вместе взятые...

Я был на спектакле в дни студенческих каникул. После спектакля зрители не спорили. По дороге в гардероб они говорили о том, какой талантливый актер Татосов, или о том, какая современная мебель на сцене. Но никто и не вспомнил о диалектике новых человеческих отношений, о моральных нормах, предъявляемых к тем, кто будет жить при коммунизме.

Зрители, просмотрев пьесу, не спорили о ней. И это понятно: ведь им было известно куда больше того, что они увидели, услышали и узнали сегодня вечером в театре...

А ведь это убийственно для театра, когда люди, сидящие в зале, знают и могли бы сказать куда больше, нежели самые красноречивые герои спектакля, претендующего на глубокомысленность.

Л. МАРХАСЕВ

Ленинградская правда, 1962, 16 февраля.